

Дж. К. Гэлбрейт¹

ЧТО ЕСТЬ РАЗВИТИЕ? ТОЧКА ЗРЕНИЯ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ГЭЛБРЕЙТА

Хорошие экономисты не консерваторы или еретики, а скорее прагматики: они могут сформировать хорошую экономическую политику, основанную на открытой и скромной теории, которая постоянно заставляет их обдумывать и принимать решения в условиях неопределенности.

Л. К. Брессер-Перейра

Революция в России и образование Советского Союза показали возможность создания социалистической республики, свободной от феодального, капиталистического или фашистского контроля, а победа Советского Союза во Второй мировой войне продемонстрировала индустриальный и военный потенциал подобного государства, что вскоре было подтверждено итогом гражданской войны в Китае. Из-за высокого престижа социализма и освобождения колоний Запад осознал необходимость предъявить миру конкретные и весомые достижения в экономике, а также преимущества политической свободы. В странах Запада этого требовали сильный рабочий класс и ветераны. Все это стало основой для расцвета на международном уровне таких концепций, как социал-демократия, демократический социализм и государство всеобщего благосостояния, что воплотилось в Плане Маршалла, Бреттон-Вудских соглашениях, затем «Союзе ради прогресса», Продовольствие ради мира (PL 480) и множество подобных инициатив с целью экономического развития, руководствующихся духом либерализма времен холодной войны. Трое из главных фигур того времени — Уолт Ростоу, Саймон Кузнец и Альберт Хиршман.

Вклад Ростоу был простой схемой «этапов» экономического роста, откровенно озаглавленной «некоммунистический манифест» и созданной для того, чтобы распространить модель США и Великобритании на весь независимый и неконфликтный мир. Схема предполагала, что страна должна сначала скатиться вниз, чтобы потом взлететь и в итоге оказаться на плато с высоким массовым потреблением. Такой полет на высоте не может продолжаться без топлива, что несколько ограничило «авиационную» аналогию, но, по крайней мере, посыл надежды и подражания был отправлен. Теории Ростоу недоставало явных дистрибутивных выводов, хотя «высокое массовое потребление» неявно влекло за собой конечное установление общества среднего класса.

Саймон Кузнец, экономист с большими практическими заслугами, создал распределительную теорию

процесса развития. Проще говоря, появление урбанизированных отраслей в экономике, в которой ранее преобладало крестьянское или йоменское сельское хозяйство, должно повлечь за собой неравенство, которое будет углубляться до тех пор, пока доля крестьян и фермеров не упадет ниже определенного порога, после чего динамика организации рабочих и городской демократии перевесит и неравенство снова начнет сокращаться. Это существенная база «обратной U» — известной связи Кузнеца между неравенством и доходом. Кривая предполагала, что растущее неравенство на ранней стадии рыночной индустриализации было неизбежно и косвенно побуждало к согласию в результате постепенного улучшения дел.

Хиршман отверг концепцию развития «большого толчка» в пользу теории межотраслевых связей с производящими и потребляющими отраслями; он полагал, что все должно происходить поэтапно — сначала одно, а затем что-то другое, выполнимое и тесно связанное с предыдущим. Хиршман также исследовал социально-психологические аспекты представлений Кузнеца в своей концепции «эффекта туннеля». Если обе полосы движения в туннеле встают в пробку, то движение одной из полос вдохновляет, а не подавляет тех, кто стоит во второй полосе. Тем не менее Хиршман особо отметил, что если вторая полоса стоит слишком долго, то эффект будет обратным: надежда сменится разочарованием и в конце концов восстанием. В условиях холодной войны работа Хиршмана была ярким напоминанием о том, что просто обещаний недостаточно и что простые схемы должны сдерживаться реализмом в отношении административных и технических ограничений, а также адаптированы к условиям на местах.

Либералы времен холодной войны и послевоенные американские кейнсианцы знали, что их видение экономического развития должно продвигать оптимистичный взгляд на управляемый и прогрессивный демократический капитализм. И политическая власть на Западе, как бы она ни была связана с главными финансовыми и бизнес-интересами, время от времени воздействовала на послание. История этого периода — история нерегулярного противоречия между видением эффективной и прогрессивной политики и более мрачным представлением о прямом или косвенном контроле с помощью силы и провокации — основных средств секретных служб тогда и сейчас. Доктрины развития представляли обнадеживающее и относительно прогрессивное лицо мирового порядка, конечным итогом которого было принято считать социал-демократию,

¹ Профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Balancing: technology, finance and the American future», «Given rise by the unequal: crisis in the American payments», «Is less than shock, it is more than therapy», «Billions on star dust», «The Economic Problem» (в соавт.), «Macroeconomics» (в соавт.), «Inequality and Industrial Change: A Global View» (в соавт.) и др. Председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений» (ECAAR).

общество потребления и государство всеобщего благосостояния.

В Швеции стратегия была основана на эгалитарной политике. Там модель [25, 26] определяла сжатые структуры заработной платы как путь к производительности и конкурентоспособности, а социал-демократия реализовала эту модель таким образом, что за шесть десятилетий Швеция поднялась на первую строчку таблицы мирового дохода. Ключевым моментом стала эндогенность состава и технологического уровня промышленности в малой экономике, где размер минимальной зарплаты устраняет слабых игроков и давит на более сильных, заставляя модернизироваться. С течением времени результатом становится превосходная структура промышленности и более высокий уровень жизни как в абсолютном, так и в относительном выражении. Более того, развитая промышленная база может поддерживать обширный и хорошо оплачиваемый сектор услуг. Недостаток кроется в том, что высокие налоговые ставки могут вызвать экспатриацию лиц с высоким чистым доходом, но это не будет представлять значительные издержки. Тем не менее шведская модель была секретом для всех, кроме самих шведов.

Вторая формулировка проблемы неравенства в контексте политики развития основана на моделях [18], изучающих проблемы урбанизации, заработной платы и безработицы в Восточной Африке в 1960-х годах. Их открытие состояло в том, что неравенство в оплате труда (например, между городскими и сельскими районами) порождает миграцию и конкуренцию за лучшие рабочие места. Если последних немного, а разрыв в зарплате велик, то соискателей будет больше, чем рабочих мест, что непременно приведет к безработице. Гипотеза Харриса–Тодаро может быть рассмотрена на множестве различных примеров, таких как нынешние и прошлые миграции в Европе, Северной Америке и Китае.

В широком смысле неоклассическая экономика прогнозирует, что на более гибких неравномерных рынках труда безработица меньше. Модели М/Р и Х/Т говорят об обратном: что общества со сжатой и регулируемой структурой заработной платы будут иметь (в определенных пределах) тенденцию к снижению уровня безработицы и (если они умно нацелены на инвестиции), высокие темпы роста производительности и более развитые промышленные отрасли, чем те, которые сохраняют свою приверженность «свободным и гибким» рынкам труда. Склонность работодателей к гибкости связана с властью, с реакционным отношением к модернизации, но никак не с экономическим развитием.

Эти модели можно рассматривать как примеры стратегии развития и даже самого смысла развития. Их правила оплаты труда, формирования доходов и благосостояния являются своего рода механизмом регулирования, который по-разному затрагивает структуры компенсации и собственности, политические права работников, эффективность налоговой системы и ее влияние на справедливое распределение богатства. Существует много других видов регулирования: фитосанитарная безопасность, безопасность продукции, транспортировки, строительные нормы, зонирование, условия

на рабочем месте, охрана окружающей среды, предотвращение и смягчение последствий изменения климата и др. И, конечно, справедливое и эффективное применение гражданского и уголовного законодательства. Создание и применение нормативных актов во всех этих сферах требует баланса между техническими (научными, инженерными) возможностями, административным потенциалом, готовностью решающих игроков в частной экономике к сотрудничеству и уступкам и способностью к эффективному, но не репрессивному правоприменению.

Регулирование имеет решающее значение для развития. Характерное современное различие между «развитой» и «развивающейся» страной кроется не в защите прав собственности, призванном укрепить положение богатых (как предполагает неоклассическая экономика); не в уровне образования — как известно, более бедные страны имеют богатую историю, а их народы зачастую высокообразованны и культурны; не в производственных технологиях и технике, которые могут быть распространены по всему миру. В современном мире развитие заключается главным образом в способности разрабатывать и внедрять эффективные и действенные нормативные акты и получать как (в значительной степени) добровольное согласие населения, так и принудительное в отношении меньшинства нарушителей. Эти условия позволяют гражданам наслаждаться жизнью, в значительной степени свободной от досаждающего бремени ежедневных рисков и элементарной самозащиты, хорошо известной тем, кто приезжает из менее благополучных мест. В этом заключается сумма и сущность экономического прогресса. Там, где рушатся консенсус и сотрудничество, исчезает и стабильный уклад жизни развитых стран.

Успешное создание регулирующей основы для экономической деятельности стало большим достижением XX века. Это стало возможно в Америке в результате прогрессивизма в годы президентства Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта и продолжилось в эпоху Линдона Джонсона и Ричарда Никсона, которые подписали закон о создании Агентства по охране окружающей среды. К середине столетия этот закон сформировал основу для американской промышленной мощи и привлекательности американской социальной модели, в конечном счете распространившись на послевоенную Европу и Японию.

Основопологающим принципом американского капитализма был не свободный рынок, а «теория уравновешивающей силы» [9]. Великая корпорация, процветавшая в данном контексте, приняла ограничения, установленные еще более могущественным представительным государством, а также организованным взаимодействием профсоюзов и гражданского общества [16]. После Великого краха над финансами был установлен законодательный контроль, и они в значительной степени стали играть служебную роль. Модель была мобилизационной, но сохранила мотив прибыли и допускала определенную степень децентрализации, сдержек и противовесов, а также технический прогресс, который социалистический блок не мог воспроизвести в течение долгого времени.

Излишне говорить, что с тех пор все изменилось. Начиная с середины 1970-х годов американская модель была подорвана изнутри возрождением пуристской идеологии свободного рынка, которая взяла под контроль экономическую профессию, в основном в сфере возрождающегося финансового сектора, при том что одновременно нарастало напряжение между организованным трудом и капиталом в промышленных секторах самого центра страны [3]. Финансовое дерегулирование совместно с жесткой политикой макроэкономической дестабилизации нанесло ущерб промышленному сектору и положило конец эпохе равновесия сил. Упадок советской модели и окончание холодной войны означали триумф Запада, а давление на население в целом ослабло; нарратив о прогрессивном развитии был отложен в пользу доктрины «рыночных реформ», неоклассической ортодоксии, известной как Вашингтонский консенсус. Стоит ли и говорить, что неравенство росло как в богатых, так и в более бедных странах.

Движущей силой этого процесса было возобновление доминирования в финансовом секторе, или так называемый капитализм денежного рынка — корпоративный идеал «акционерной стоимости» (означавший подчинение Уолл-стрит) и рост международных цепочек создания добавленной стоимости, что в конце концов подорвало социальный консенсус и политический потенциал (в частности, для обеспечения инфраструктуры), составляющие американскую модель. Технологическое функционирование вышло из-под контроля промышленных корпораций и переместилось в собственный сектор, в одну из относительно небольших и молодых компаний с огромной рыночной капитализацией. Американский рост в 2000-х годах поддерживался только благодаря терпимости мошеннического финансового двигателя, обреченного на провал в должное время [2]. В итоге возникла двойная экономика, сочетающая технологии с упадком, неравенство с нестабильностью [13] и создающая условия абсолютного дерегулирования, что в 2007 году привело к масштабному финансовому кризису [15]¹.

Последствия этой регрессии американской модели были замаскированы еще более быстрым крахом социалистического блока в конце 1980-х — начале 1990-х годов, за которым последовал катастрофический эксперимент со свободной рыночной экономикой в России. Кроме того, после дерегулирования финансовый кризис затронул Японию в начале 1990-х и большую часть остальной Азии в 1997 году. После Великого финансового кризиса экономика США была в большой степени спасена благодаря комбинации кейнсианского «стимула» и автоматических мер стабилизации — в основном программ социального страхования, выживших после «Нового курса» и «Великого общества», в то время как большая часть Европы томилась под *социал-либерализмом* Европейского союза.

Результатом спустя сорок лет стал глобальный порядок с новым игроком в первом ряду — Китаем, стра-

ной, которая осуществила самую успешную стратегию экономического развития и сокращения бедности в мировой истории. Как им это удалось? Благодаря программе постепенного развития, направленной на развитие государства в области инфраструктуры и урбанизации, развития передовых национальных корпораций наряду с поддержкой миллионов небольших фирм и, прежде всего, политики стабильных и предсказуемых базовых цен [28], социального баланса [14] и продолжения четкого регулирования финансовых взаимоотношений с остальным миром. В отличие от Кореи, Китай не отменил государственное регулирование банковского сектора, а в 1990-х годах открыл свой счет операций с капиталом, поэтому ему удалось избежать азиатского финансового кризиса. Что касается качества продукции, то Китай придерживался стратегии импорта знаний и технологий наряду с либеральным использованием внешних нормативных стандартов западных рынков для повышения качества производителей как для внутреннего рынка, так и для экспорта. Таким образом страна, которая была и все еще частично остается социалистической, решила головоломку: как удовлетворить бесконечно разнообразные потребности сопоставимым разнообразием нестандартизированных товаров.

Китай не одинок в продвижении по этому пути; на самом деле он не лидер, а всего лишь последователь, хотя гигантский. Модель фирмы Гэлбрейта продолжает преобладать в Германии и Японии. Еще один пример — Корея. Новый прагматизм Гжегожа Колодко [22] с его влиянием на относительно успешную трансформацию Польши [21] и новый эволюционизм Луиса Карлоса Брессера-Перейры [6, 7] отражают многие из тех же идей. Оба требуют стратегии открытой торговли и технологического совершенствования в условиях необратимой глобализации, но в сочетании с эффективным контролем над глобальными финансами. При благоприятных условиях и прагматическом политическом руководстве в первые два десятилетия этого столетия Бразилия, Аргентина, Чили, Уругвай и Эквадор добились впечатляющих успехов на пути к стабильным экономическим условиям и сокращению нищеты². В настоящее время, однако, этот прогресс не получает дальнейшего развития³.

Таким образом, у нас есть показательные случаи успеха в отсутствие следования Вашингтонскому консенсусу. Действительно, лучшие примеры послевоенного восстановления и экономического развития в современную эпоху отчетливо демонстрируют приверженность теории Гэлбрейта о корпоративной организации, ориентированной на долгосрочное улучшение производственного потенциала, репутацию передового опыта, долю на мировом рынке, эффективное регулирование и отношение сдержек и противовесов с проф-

² Хотя Уго Чавес однажды назвал себя «Galbraithiano», Венесуэла не смогла избежать опасностей нефтяного богатства и голландской болезни.

³ Среди европейских ученых традиция Дж. К. Гэлбрейта осталась жива в основном в диссидентских кругах, например в работе Общества Федерико Кафе [1], Вебленских институтах [8] и проекте «Зеленого нового курса» Движения за демократию в Европе 2025 (DiEM25).

¹ Экономика Соединенного Королевства, в которой более доминирующее положение занимают крупные финансы, следовала по тому же пути, что и Соединенные Штаты, с сопоставимым политическим/пространственным недовольством, что в конечном счете привело к референдуму по Брекситу.

союзами и государством, то есть уравновешивающую силу.

Можно рассмотреть движение в этом направлении и в Российской Федерации, особенно в работах Бодрунова [4, 5], Кошкина и Кретьова [23] и других, которые в качестве руководства для своих разработок очевидно выбрали идеи моего отца (чему я, признаюсь, очень рад). Возможно, неудивительно, что, увидев недостатки крайностей — централизованного планирования, с одной стороны, и «свободного рынка» — с другой, российские ученые проявляют интерес к тому, что когда-то реально показало хорошие результаты в Соединенных Штатах и до сих пор работает в самых успешных развитых и развивающихся странах мира.

Литература

1. *Amoroso B.* L'Europa Oltra L'Euro: Le Ragioni del Disastro Economico e la Ricostruzione del Progetto Comunitario / B. Amoroso, J. Jespersion. — Rome : Lit Edizioni, Castelvechhi, 2012.
2. *Black W. K.* The Best Way to Rob a Bank is to Own One Black / W. K. Black. — Austin : Univ. of Texas Press, 2014.
3. *Bluestone B.* The Great U-turn: Corporate Restructuring and the Polarizing Of America / B. Bluestone, Harrison B. — N. Y. : Basic Books, 1990.
4. *Bodrunov S.* Galbraith Restored / S. Bodrunov. — Moscow : Kul'turnaia revoliutsiia, 2017.
5. *Bodrunov S.* Noonomy / S. Bodrunov. — St. Petersburg : S. Y. Witte Institute, 2019.
6. *Bresser-Pereira L. C.* From classical developmentalism and Post-Keynesian economics to new developmentalism / L. C. Bresser-Pereira // Brazilian Journal of Political Economy. — 2019. — Vol. 39, № 2 (155). — P. 187–210.
7. *Bresser-Pereira L. C.* Globalization and Competition: Why Some Emergent Countries Succeed While Others Fall Behind / L. C. Bresser-Pereira. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010.
8. *Frémeaux Ph.* Transition Écologique, Mode D'Emploi / Ph. Frémeaux, W. Kalinowski, A. Lалуq. — P. : Les Petits Matins, 2014.
9. *Galbraith J. K.* American Capitalism: The Concept of Counterbalancing Power / J. K. Galbraith, J. Kenneth. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1952.
10. *Galbraith J. K.* Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future / J. K. Galbraith. — N. Y. : Basic, 1989.
11. *Galbraith J. K.* Created Unequal: The Crisis in American Pay / J. K. Galbraith. — N. Y. : Free Press, 1998.
12. *Galbraith J. K.* Inequality: What Everyone Needs to Know / J. K. Galbraith. — N. Y. : Oxford Univ. Press, 2016.
13. *Galbraith J. K.* Inequality and Instability: A Study of the World Economy Just Before the Great Crisis / J. K. Galbraith. — N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012.
14. *Galbraith J. K.* The Affluent Society / J. K. Galbraith. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1958.
15. *Galbraith J. K.* The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth / J. K. Galbraith. — N. Y. : Free Press, 2014.
16. *Galbraith J. K.* The New Industrial State / J. K. Galbraith. — Cambridge : Houghton-Mifflin, 1967.
17. *Galbraith J. K.* The Pragmatism of John Kenneth Galbraith / J. K. Galbraith // Acta Oeconomica. — 2019. — Vol. 69 (S1). — P. 195–213.
18. *Harris J. R.* Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro // The American Economic Review. — 1970. — № 60 (1). — P. 126–142.
19. *Hirschman A.* The Strategy of Economic Development / A. Hirschman. — New Haven : Yale Univ. Press, 1958.
20. *Inequality and Industrial Change: A Global View* / J. K. Galbraith, M. Berner (eds.). — N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2001.
21. *Kolodko G.* A two-thirds of success. Poland's post-communist transformation 1989–2009 / G. Kolodko // Communist and Post-Communist Studies. — 2009. — № 42 (3). — P. 325–351.
22. *Kolodko G.* Whither the World: The Political Economy of the Future / G. Kolodko. — N. Y. : Palgrave-MacMillan, 2014.
23. *Koshkin V.* Solidarism: The New Mainstream of the Future / V. Koshkin, S. Kretov. — Moscow : Radix, 2018.
24. *Kuznets S.* Economic Growth and Income Inequality / S. Kuznets // The American Economic Review. — 1955. — № 45 (1). P. 1–28.
25. *Martin A.* Economic Stagnation and Social Stalemate in Sweden / A. Martin // Monetary Policy, Selective Credit Policy and Industrial Policy in France, Britain West Germany and Sweden. — Washington: Joint Economic Committee, 1981.
26. *Meidner R.* Fackföreningsrörelsen och den Fulla Sysselsättningen / R. Meidner, G. Rehn. — Stockholm : LO, 1951.
27. *Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth / W. W. Rostow // Cambridge (UK) : Cambridge Univ. Press, 1960.
28. *Weber I.* China's Escape from the Big Bang: The 1980s Price Reform Debate in Historical Perspective : Ph.D dissertation / I. Weber. — Cambridge : Univ. of Cambridge, 2017 (Center of Development Studies, Department of Politics and International Studies).